

Сергей ВИКУЛОВ

Про лошадь говорю, но о России я почему-то думаю сейчас...

ВСАДНИК И КОНЬ

У КОРЫТА БАСНЯ

Пред лицом смерти —

было так от века —
В глухую ночь или при свете дня
Богвдруг дарил дорогу человеку
И шанс спастись — единственный!

коня.

И конь летел

через леса и горы.
Неведомые дикие места,

Мног, откликавшись преданно на шпоры

И на удары жгучие кнута.

Мног, удивлен и всадник доверялся,

Летел, как всадник, сам разгорячен,

Проща в нем проснувшегося зверя,

Не думая пока,

Что обречен,

Что эта скачка черными полями

Последняя...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

БАЗАР

В старинном городе базар:

Лотки дощатые в два ряда

И три старушки, и товар —

Морковь да лук, помимо ягод.

Ах, слова Богу, нарости

Смородины нынче взлез окон!

...Сегодня пятое число.

Еще до пеники далеко.

Сидят, сердешные, и ждут —

Не покупают ягод город.

Одна надеждка подойдет

Туристы, может, с «Метеором».

А через улицу, бойки, —

Такие в городе порядки, —

Торгуют дынями ларьки

И абрикосами — пальчики.

В красе и силе молодцы

Считают точно, рублик в рублик,

Новоявленные купцы

Из отдельников республики.

А по ночам они, пыны,

Гуляют с девками в обнимку...

На русском Севере страны

Всюю идет движение к рынку.

И это, глядя на ларьки,

Прекрасно чувствуют старушки,

И глубже причут пятачки

И полуустерты полушки.

Потом скребут свой товар —

Такая на сердце досада...

В старинном городе базар:

Лотки дощатые в два ряда...

Хрючок [о нем сегодня мой рассказ]

Не выделялся в поросичьем стаде
Почти ничем. Его Хозяин пас

Со всеми вместе и в одной ограде.

Все делал он, как все: и пил, и ел...

Как все из грязи днины не вылизал.

И в небо — даже ленка — не глядел.

Лишь малость на отличку хрюкал разве.

Не возмущаясь, хрюкал, не сердясь,

А жалостливо этак, даже мило!

«Хрю-хрю-ю!» — тянули он, «принимая

Грязь,

И чувствовал: неплохо выходило.

Компанию, однако, он любил,

Принимая такую, чтобы рыво в рыво.

Кто что-то не доехать не допил —

Он мог доехать, допить;

Не гордым был он.

А самогон тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок;

Что будет там, в конце, ему не торба

Совсом,

не из колодечка ведро,

А сапогом тычок жестокий в морду

И два еще, вдвоем, под ребро.

За то, что растянулся, обессилев

На попутки... не вырвались... не спас...

Про пошадь говорю. Но о России

Я почему-то думаю сейчас...

И что через часок

Он

пеною набитыми ноздрями

Уткнется пыль дорожную, в песок